

Только в Обители забвения подобное дозволено.

К тому же, в Династии Великая Чжоу торговля телом не считается чем-то постыдным. Конечно, всё зависит от того, к какому рангу принадлежит куртизанка или куртизан. Чиновники и знатные юноши, готовые выложить тысячи золотых за одну ночь с хуакуй, встречаются сплошь и рядом, и подобные истории часто становятся предметом светских бесед.

Мир процветает, повсюду звучат песни и музыка, а люди лишь ищут повода блеснуть изысканным вкусом.

Так появилась Обитель забвения. В самом сердце процветающей столицы, вдоль оживлённых улиц, растянувшихся на триста ли, выстроились в ряд красные терема и увеселительные заведения. Среди них выделялись три элитных борделя, известных на всю страну. Множество людей приезжали сюда в надежде потратить целое состояние лишь ради того, чтобы хоть мельком взглянуть на хуакуй.

В этих трёх заведениях пить чай, любоваться цветами, играть в го и обсуждать живопись считалось верхом утончённости.

Что же касается отношений между мужчинами, то они были широко приняты. Стоит вспомнить, что даже основатель династии Чжоу взял себе мужчину-наложника! Потому и мужская любовь в Великой Чжоу никого не удивляла. Хотя браки между мужчинами заключались редко, если двое выдающихся мужей сходились вместе, это почиталось как изысканный и романтический союз.

И вот сейчас Чжуана Фэя отправляли как раз в одно из этих трёх легендарных мест. Это был единственный среди них Наньфэнгуань — Павильон Инъюэ Чанфэн.

Заметив перемену в лице работорговца, Чжуан Фэй понял, что тот замышляет недоброе, и допустить этого было нельзя.

Чжуан Фэй опустил голову и, сторбившись, подошёл к мужчине:

— Управляющий Тянь.

Работорговец удивился, увидев его, но льстивое обращение приятно пощекотало его самолюбие. Управляющий? У этого мальчишки есть глаз-алмаз. Взгляд мужчины потеплел, а тон стал менее высокомерным:

— Что тебе?

— Я бесконечно благодарен вам за заботу в пути, — Чжуан Фэй сделал паузу. — Никогда не забуду вашей милости. Я человек маленький и никчемный, отплатить вам нечем. Но если мне

посчастливилось прислуживать господину хуакуй, я постараюсь, чтобы и вы смогли лицезреть его красоту. Это станет отличной историей для молвы.

Сказав это, он послушно отошёл в сторону, наблюдая, как лицо работорговца меняет оттенки. Тот лишь слегка смягчился, велел ему идти отдыхать и бросил что-то вроде: не стоит благодарности, мол, позабочусь, если получится.

Чжуан Фэй покорно поклонился и удалился.

Говорят, с янь-ваном встретиться легко, а вот с мелкими бесами сладить трудно, но именно эти бесы умеют держать нос по ветру. Особенно такие ничтожные люди из социальных низов, как этот работорговец. Этими словами Чжуан Фэй дал ему понять: не стоит замышлять дурное, иначе, когда он выбьется в люди, первым, кто поплатится, будет сам управляющий!

Чжуан Фэй хорош собой. Если продать его как куртизана, можно навлечь на себя страшные неприятности. Работорговец облился холодным потом: если Чжуан Фэй выйдет на панель, то наверняка возненавидит его до мозга костей. С его-то лицом попасть в милость к влиятельному человеку — вопрос времени, а там, глядишь, и до звания хуакуй недалеко... Нет, так нельзя!

Чем больше работорговец думал, тем сильнее убеждался в своей правоте. Чжуан Фэй даже в грязной мешковине, без умывания, выглядел ослепительно — краше всех, кого он видел. Лучше продать его как обычного слугу, чтобы избежать лишних проблем. О том, чтобы как-то особенно притеснять его, он уже и помыслить не смел.

Оставив свои грязные мысли, работорговец доставил Чжуана Фэя в Павильон Инъюэ Чанфэн как обычного слугу.

По пути Чжуан Фэй проявил осторожность. Входя в павильон, он спрятанным кусочком угля нарисовал на щеке чёрное пятно размером с крышку от бутылки, скрыв свою ослепительную внешность на семь-восемь частей. Он опустил глаза: теперь оставалось лишь ждать, преподнесут ли ему слуги павильона нужный шанс.

Если присмотреться, его уловку легко разоблачить. Но именно этого он и добивался!

Их ввёл в павильон слуга. Увидев место, где ему предстоит жить, Чжуан Фэй успокоился — это были обычные покои для слуг. самого младшего мальчика вскоре забрал к себе женоподобный юноша с тонкой талией. Наставница из зала правил, которая должна была прийти лишь на следующий день, явилась раньше. Окинув всех взглядом, она остановилась на Чжуане Фэе, но, присмотревшись, нахмурилась: парень казался слишком взрослым, а пятно на лице она приняла за безобразное родимое пятно. Хотя он не был уродлив, вид имел не самый презентабельный.

Однако, проверив его манеры, она обнаружила, что они безупречны — даже старшие горничные в знатных домах не всегда могли похвастаться такой выучкой и достоинством.

Поразмыслив, женщина решила, что невзрачная внешность — это даже к лучшему: его безопаснее всего отправить в то самое место.

Она кивнула:

— Как тебя зовут, малец?

— Отвечаю наставнице, меня зовут Чжуан Фэй. Чжуан — как в слове достоинство, Фэй — как в слове справедливость, — учтиво ответил он.

Имя не содержало ничего предосудительного. Женщина снова кивнула:

— Хорошо. У тебя отличные манеры, учить тебя ничему не нужно. Сегодня же отведу тебя к господину Учэню в качестве сяоши. Будь осторожен во всём. Если тебя вернут обратно, то живым отсюда ты уже не выйдешь.

— Наставница, не слишком ли это опрометчиво? — тут же подала голос стоявшая рядом служанка. — Он новичок, а вы отправляете его к господину Учэню. Что если господин будет недоволен?

Женщина отмахнулась. За долгие годы работы она ещё ни разу не ошибалась. А господин Учэнь... после того случая он до смерти забил своего прежнего сяоши. Кто из слуг рискнёт пойти к нему? А других подходящих кандидатур нет.

Она как раз планировала немного обучить новичков, прежде чем отправить их к господину, но это было не лучшим решением. А тут появился Чжуан Фэй — идеальный вариант.

Служанка замолчала, вспомнив что-то, и больше не решилась перечить.

— Благодарю наставницу за совет, — Чжуан Фэй проигнорировал разыгравшуюся сцену и поклонился женщине. — Чжуан Фэй будет преданно служить господину и не даст повода упрекнуть вас в некомпетентности.

— Не нужно. Раз ты отправляешься к господину Учэню, теперь ты — человек господина Учэня.

Это означало: не смей предавать, иначе никто тебя не спасёт. Приняв поклон Чжуана Фэя и глядя на его опущенные глаза, женщина внезапно поняла, почему его продали сюда, и решила дать ещё один совет:

— Павильон Инъюэ Чанфэн — не обычное место. Ты — слуга, а Обитель забвения не смеет нарушать законы Великой Чжоу.

Лучше и быть не могло. Тот прежний сяоши был беспокойным, а этот, раз продан из-за своей внешности, но при этом хорошо воспитан и скромен, — значит, хозяйка дома не смогла его терпеть. На теле нет ни следа побоев — значит, по пути не пытался бежать и склонен к покорности. А то, что умеет скрывать лицо, говорит о нежелании попадать в цзяньцзи. Даже если это не давало полной гарантии, по крайней мере, в ближайшее время он будет вести себя тише воды, ниже травы.

Наставница осталась довольна.

Она сделала знак, и из-за её спины вышла горничная второго ранга. Поклонившись Чжуану Фэю, она сказала:

— Сяоши Чжуан, прошу за мной.

Чжуан Фэй ещё раз поблагодарил наставницу и последовал за девушкой.

Уголки его губ приподнялись. Он был благодарен наставнице за её проницательность — старая лиса, годами крутившаяся в цветочном квартале, с одного взгляда поняла всё, что нужно.

Не зря он отдал все свои сбережения провожатому, чтобы тот рассказал о порядках. Сяоши господина Учэня был забит палками до смерти за то, что пытался соблазнить высокопоставленного чиновника. Хм, забит палками... знакомая история. И личность этого чиновника была очевидна. Он шёл именно на это место!

Господин Учэнь, Чжуан Цинхун.

Благородный, холодный как иней, несравненно красивый, с осанкой бамбука и сосны, с темпераментом горного лотоса. К нему не подступиться, словно он небесное создание, спустившееся на землю. Именно так отзывались о Чжуане Цинхуне — хотя эта слава ходила лишь среди знати и в самом павильоне, этого было достаточно.

По логике, человек с таким характером легко наживает врагов. Однако Чжуан Цинхун стоял твёрдо, возможно, благодаря поддержке князя. Его имя «господин Учэнь» стало легендой, хотя он даже не раскрыл своего настоящего имени. А то, что он тайно собирал доказательства, говорило о том, что он далеко не так прост.

Умереть ради такого человека, да ещё и так, чтобы смерть имела смысл, — задача не из лёгких.

Поэтому Чжуан Фэй с нетерпением ждал встречи с Чжуаном Цинхуном, чтобы оценить ситуацию и шаг за шагом двигаться к своей цели.

В конце концов, сила Контракта позволяла ему видеть лишь нити мироздания, нечто вроде

краткого содержания или наброска. Характеры людей можно было предположить, но человек переменчив. Он не был настолько глуп, чтобы загонять людей в рамки одного образа.

Горничная не повела его сразу к Чжуану Цинхуну. Она провела его по всему павильону, показывая, где что находится, выдала форму сяоши, объяснила его статус, представила людей, с которыми ему придётся иметь дело, и рассказала о распорядке дня. Только после этого она привела его в Павильон Дождя и Снега, через боковую дверь проводила в комнату для слуг и велела после умывания к часу петуха явиться в главный зал для приветствия.

Чжуан Фэй поблагодарил девушку и вошёл в комнату.

После умывания он переоделся. Форма сяоши была гораздо качественнее того, что он носил раньше: простой крой, без излишеств, лишь тёмные узоры на манжетах и воротнике. Одежда была очень удобной.

Дождавшись назначенного времени, Чжуан Фэй направился в главный зал.

У входа стояли четверо стражников. Чжуан Фэй понял, что пришёл не вовремя — князь, скорее всего, внутри. Не доходя до дверей, он был остановлен стражей, которая потребовала назвать себя.

Из-за шума двое мужчин, беседовавших внутри, обернулись.

Чжуан Фэй, стоя снаружи, низко поклонился в сторону Чжуана Цинхуна и громко произнёс:

— Я — сяоши господина, пришёл засвидетельствовать своё почтение.

Чжуан Цинхун взглянул на князя Цзиня и тихо сказал:

— Похоже, это новый сяоши, которого мне прислала Хун Ли.

Его голос звучал отстранённо, словно каждый слог произносился с одной и той же интонацией. Он обратился к князю:

— Позвольте ему войти. Ваше Высочество, ваша харизма безгранична, прошу, сдержите её, иначе мой сяоши совсем потеряет голову. Другие подумают, что я, Чжуан Цинхун, не ценю человеческие жизни.

Князю нравилась эта манера Чжуана Цинхуна. Услышав его слова, он не рассердился и приказал пропустить Чжуана Фэя.

Чжуан Фэй, опустив глаза, подошёл к Чжуану Цинхуну и снова опустился на колени:

— Сяоши Чжуан Фэй приветствует господина. С сегодняшнего дня я буду прислуживать вам. Наставница из Цзяофана сказала, что я груб и нуждаюсь в обучении, но, видя мою дисциплинированность и зная, что господин не может оставаться без прислуги, отправила меня к вам.

Он снова поклонился до земли и замер в ожидании.

— Хорошо, — ответил Чжуан Цинхун. Он опустил веки, глядя на Чжуана Фэя. Тот казался очень послушным, что его вполне устраивало. Не обращая внимания на князя, играющего с чашкой чая, он кивнул: — Имя тебе дала наставница?

Голос его действительно напоминал звон нефрита, холодный, но с неуловимым очарованием.

— Отвечаю господину, нет. Чжуан Фэй... это моё настоящее имя.

— Весьма необычно.

Чжуан Цинхун кивнул. Он не велел Чжуану Фэю встать, а лишь сделал глоток чая и спросил:

— Раз ты собираешься служить мне, знаешь ли ты, чей ты теперь раб?

Раз уж он сразу раскрыл карты, стоит и самому отреагировать, дав ему шанс показать свою преданность.

— Да. Чжуан Фэй во всём будет ставить интересы господина на первое место и служить вам от всей души. Я — раб господина.

Чжуан Фэй снова поклонился.

— А этот малый знает своё место, — внезапно сказал князь Цзинь. — У вас с ним есть некая связь.

Это было сказано Чжуану Цинхуну. Затем князь посмотрел на Чжуана Фэя:

— Подними голову, дай-ка мне взглянуть.

Чжуан Фэй повиновался. Он поднял голову, но смотрел прямо перед собой, на Чжуана Цинхуна, даже не скосив глаз в сторону князя. Его взгляд был опущен, выражая полное послушание.

Князь мельком взглянул и потерял интерес. Лицо приятное, черты правильные, кожа светлая, но рядом с Цинхуном это уже не выглядело чем-то исключительным. Чжуан Цинхун тоже посмотрел на него. Он помнил, что тот прежний сяоши был невзрачным, этот же — куда изящнее.

— Довольно, можешь идти, — отпустил его князь.

Чжуан Фэй поклонился и вышел. В сердце он был уверен: Чжуан Цинхун помнил того сяоши, но воспоминания были смутными, и он его не узнал. Впрочем, Чжуан Фэй был доволен. Ситуация поддавалась контролю, ценность в этом была, а результат зависел от того, когда именно наступит подходящий момент.

На данный момент у него была лишь одна задача.

Доверял ли ему Чжуан Цинхун — не имело значения. У него не было сил помогать ему собирать доказательства, сейчас он должен был добиться главного — расположения Чжуана Цинхуна.

<http://bllate.org/book/21679/2236324>